

УДК 82.0
ББК 83.3 (2=Рус) 5
П 48
М.В. Покотыло

Осмысление творчества В.В. Маяковского в современной литературной критике

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье дается обзор ряда работ отечественных исследователей творчества В.В. Маяковского, опубликованных в перестроечный и постперестроечный периоды. Цель статьи – по возможности дать объективный анализ критики творчества В.В. Маяковского с выявлением продуктивных подходов к изучению жизни и творчества поэта на современном этапе.

Ключевые слова:

Маяковедение, идеологизация, концепция творчества, «хрестоматийный глянец».

В отечественном литературоведении достаточно противоречащих, а зачастую и исключających друг друга оценок творчества В.В. Маяковского; это связано с тем, что в настоящее время наблюдается постепенный отказ следовать известным стереотипам идеологизации творчества поэта, рассматривать его творчество в сугубо историко-биографическом аспекте, с выходом на первый план уже не попытки восстановления и реконструкции авторской позиции, а рассмотрения текстов самих по себе, причем необязательно с позиции исторического времени возникновения этих текстов, но всё в большей степени с позиции современности.

От «хрестоматийного глянца», нанесенного на творчество В.В. Маяковского, искажавшего образ поэта, в настоящее время начинают отходить, при этом часто ассоциируя поэта с советской властью. И хотя недоброжелатели у Маяковского были всегда, именно с перестроечным и постперестроечными периодами связаны попытки характеристики Маяковского как кумира эпохи Сталина и застоя.

Период «разоблачения Маяковского» открывается книгой Ю.А. Карабчиевского «Воскресение Маяковского», опубликованной в России в 1990 году. Недоброжелательное отношение к поэту налицо почти в каждой строке: «Чувством слова он (Маяковский – М.П.) был наделен замечательным – но только в ограниченном, поверхностном слое, доступном глазу и слуху <...> Образ у Маяковского — не пучок ассоциаций, а линейный последователь-

ный ряд, в лучшем случае разветвленный на два или три заранее заданных направления <...> Маяковский вообще – поэт без читателя. Читатель Маяковского – всегда слушатель, даже если он сидит не в зале, а у себя дома, с книжкой в руках. Стихи Маяковского могут нравиться, ими можно восхищаться, их можно любить – но их нельзя пережить, они не про нас» [1]. Отказывая В.В. Маяковскому в читателе, Ю.А. Карабчиевский тем самым говорит, что нет необходимости изучать его творчество, оценивая свою работу как финальную точку в маяковедении. Книга Ю.А. Карабчиевского вызвала в ответ ряд публикаций, полемизирующих с ней. Против этой работы выступили А.А. Михайлов [2], К.Г. Петросов [3], И.Ю. Искрижицкая [4] и др.

Именно в связи с антипатией к догматичному опыту прочтения литературных текстов в 90-е годы прошлого века отечественное маяковедение впало в новую крайность, полностью ниспровергая и дискредитируя В.В. Маяковского, связывало его послереволюционные тексты не с литературой, а с идеологией и политикой, тем самым, отказывая его текстам в художественности.

В начале 90-х годов появилась статья Ю. Халфина «Апостол хозяина», в которой критик продолжает интерпретацию поэзии В.В. Маяковского как своего рода новой «философии в будуаре», в которой «маузер, револьвер, наган, браунинг, бомба, параллеллум»

[5] являются источниками поэтического вдохновения поэта.

Определяя В.В. Маяковского как соловья «культы жестокости», продолжателя традиции маркиза де Сада, почитателя культа Сатаны, «успешного заклеить кулака, воспеть ГПУ», Ю. Халфин выносит ему приговор, основываясь на ассоциативной связи и географической близости его дома-музея с «многокомнатным и многокоридорным домом, овеянным ужасной славой» [5] на Лубянке.

Несомненно, В.В. Маяковский как участник исторического и литературного процесса жил, творил и реализовался в целой системе распространенных в послеоктябрьский период настроений, иллюзий, теорий, мифов. Одно из основных противоречий его творчества заключается в том, что он запечатлел многие реальные процессы, явления и факты революционного созидания и в то же время отдал дань прославлению мифов, сложенных эпохой. Реальность и мифы и в его сознании и в его художественных текстах зачастую неотделимы друг от друга.

Споры о творчестве В.В. Маяковского продолжаются и в новом веке. В 2001 году появляется книга Б. Горба «Шут у трона революции» [6], вызвавшая оживленную дискуссию, продолжающуюся и поныне. В книге собраны буквально все точки зрения на поэта, но вывод, к которому приходит автор, не может не озадачить своей неожиданностью. Как доказывает автор, стихи, пьесы, поэмы, оды, гимны, частушки Маяковского, написанные якобы в похвалу режиму, несут в себе потаенный сатирический заряд в лучших традициях русских скоморохов, для государственного режима смертельный. Основывая свою концепцию преимущественно на том факте, что в 1915 году Аркадий Аверченко, собиравший вокруг себя яркие сатирические таланты, пригласил Маяковского работать штатным сотрудником в журнал «Новый Сатириконт», Б. Горб все сотрудничество поэта с большевистской властью и декларативное словотворчество ассоциирует с желанием «полной дискредитации нового режима». Но, если «Владимир Ильич Ленин» – сатира на вождя Небытия, как утверждает Б. Горб, то почему она не помогала и не помогает читателю, подобно произведениям А. Аверченко, М. Зощенко, М. Булгакова и Н. Эрдмана, разглядеть уродливость и абсурдность изображаемого ми-

ра? Напротив, поэт преисполнен веры в скорое осуществление мечты человечества о справедливом обществе без угнетателей и угнетенных.

В XXI веке плодотворно развивается сравнительное литературоведение, рассматривающее творчество В.В. Маяковского в тесной связи с особенностями литературного процесса. В 2002 году выходит в свет монография С.А. Комарова «А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX – первой трети XX века» [7], генетически связывающая творчество Маяковского с символизмом и с символистической концепцией действительности.

Новые работы российских исследователей, опираясь на опыт сравнительного, формалистского и конструктивистского литературоведения, все больше отказываются от однозначного взгляда на творчество поэта, обращая внимание на зрелищность метафорической системы поэта, которую чрезвычайно образно описали в своих работах Е. Эткинд [8, 9] и А. Синявский [10].

Утверждение об огромном масштабе художественного новаторства В.В. Маяковского бесспорно, по мнению представителей сравнительного литературоведения, но было бы неверным только в его искусстве видеть силу, оплодотворяющую новаторский строй русской поэзии XX века, отрывая творчество В.В. Маяковского от литературного дискурса, не принимая во внимание интертекстуальность литературы, связывающей различные тексты воедино в процессе восприятия реального и литературного пространств, в художественном воспроизведении человеческого опыта. В этом плане интересны две монографии Л.Ф. Кациса «Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи» и «Русская эсхатология и русская литература», последняя из которых показывает всю существовавшую в начале века литературную полемику по тем или иным вопросам, не обходя стороной и В.В. Маяковского. Книга Л.Ф. Кациса «Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи» [11] дает целостное описание творческого пути поэта в сложных взаимодействиях как с русской классической литературой, так и с литературой авангарда; как с русской религиозной философией, так и с советским идеологическим контекстом. Исследователь обращает особое внимание на интертекстуальность поэзии В.В. Ма-

яковского, причем понятие интертекста критик рассматривает чрезвычайно широко: это не использование фрагментов текста других авторов, а использование сходных мотивов и тропов.

Повышенный интерес к структуре стиха, образной системе и стилю В.В. Маяковского характерен для множества работ самого последнего времени. Проблемам новаторства В.В. Маяковского в строфике посвящена монография Г.М. Печорова «Новаторское стихосложение В.В. Маяковского: строфика, ее графика, ритмика и рифма (теоретический анализ)» [12]. Исследуя строфику, ритмическую организацию, окказионализмы и экстралингвистические аспекты стиха В.В. Маяковского, Г.М. Печоров констатирует «сложность системы рифмовки стиха В.В. Маяковского, делавшего упор на развитие "внутренней" формы строфы» [12, 68]. Говоря о монологизации поэтической речи, связанной с требованием цельности мысли и чувства, ставшей в начале XX в. доминировать над всем остальным в форме новаторских стихов, Г.М. Печоров выделяет «особенно заметную перемену мест первичного и вторичного, просодическое укрупнение ритмо-единиц в культуре стиха в стихе Маяковского» [12, 105].

К исследованию поэтики В.В. Маяковского Г.М. Печоров обращается и в следующей своей монографии «Маяковский и XXI век. Этический кодекс чести. Эстетика и поэтика в его творчестве» [13], на этот раз пытаясь обнаружить связь между формой и ритмом стиха и философскими воззрениями писателя.

И в новом тысячелетии не утихают «страсти по Маяковскому». В.В. Маяковский остается в центре внимания критиков и литературоведов. Появляются новые книги, заметки и статьи об одном из самых значимых поэтов XX века, в которых исследователи дают свой взгляд на произведения и творчество В. Маяковского. Необходимо отметить, что его поэзия всегда представляла собой предмет жаростных споров, которые носят отнюдь не узколитературный характер, ведь всякий раз речь заходит об отношении искусства к действительности, о месте поэта в жизни, о том, что составляет ценность поэзии. Былые неумеренные славословия в адрес поэта в наши дни нередко сменяются резкими обвинениями, попытками принизить, свести на нет значение сделанного им, представить его творчество в качестве своеобразной

формы духовного, эстетического обеспечения идей, утверждавшихся в эпоху господства тоталитарной системы.

Безусловно, каждое новое поколение будет по-новому осмыслять творческое наследие поэта, но не стоит забывать, что поэзия Маяковского – весьма заметное явление как в литературе, так и в культуре, и новое прочтение Маяковского должно преследовать цель более глубокого выявления и рассмотрения природы такого явления. Существующая в современном маяковедении тенденция перехода от идеологической оценки жизни и творчества В. Маяковского к изучению эстетики и структуры стиха поэта свидетельствует о том, что творчество В. Маяковского как объект филологического исследования далеко не исчерпан.

Примечания:

1. Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского (филологический роман). М., 1990.
2. Михайлов А.А. Маяковский: Кто он? // Взгляд: Сб.: Критика. Полемика. Публикации. Сб.3. М., 1991.
3. Петросов К.Г. Посмертное распятие поэта (Маяковский сегодня) // Кн. обозрение. 1991. №15.
4. Искрижицкая И.Ю. Возвращение Маяковского (актуальные проблемы изучения творчества поэта) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. №4.
5. Халфин Ю. Апостол хозяина // Век XX и мир. 1990. №8.
6. Горб Б. Шут у трона революции. М., 2001.
7. Комаров С.А. А. Чехов – В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX-первой трети XX века. Тюмень, 2002
8. Эткинд Е. Там внутри // *Revue des etudes slaves*. Т. 68. *Figures de Majakovskij*. Paris, 1996.
9. Эткинд Е. Отступление о сердце и душе // Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. Статьи. М., 1999.
10. Синявский А. Рефлексы символизма в поэме «Человек» Маяковского // *Revue des etudes slaves*. Т. 68. *Figures de Majakovskij*. Paris, 1996.
11. Кацис Л.Ф. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 1999.
12. Печоров Г.М. Новаторское стихосложение В.В. Маяковского: строфика, ее графика, ритмика и рифма (теоретический анализ). М., 2000.
13. Печоров Г.М. Маяковский и XXI век. Этический кодекс чести. Эстетика и поэтика в его творчестве. М., 2003.